

Шестакова Е. Ю.

НОВАТОРСТВО Л. Н. ТОЛСТОГО В ПОВЕСТИ "ДЕТСТВО"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/91.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 230-232. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Немецкая лексема «*kindisch*» образована от существительного «*das Kind*», которое означает «ребенок, дитя» (сравните: древневерхненемецкий, средневерхненемецкий *kind*, нидерландский *kind*), восходит к субстантивированному партиципу II германского глагола **kenPa* -, **kenda* - «зачатый, произведенный на свет, рожденный» [Duden Etymologie 1989].

Русское существительное «*ребенок*» означает «мальчик или девочка в раннем возрасте, до отрочества, сын или дочь», имеет место и в других славянских языках: древнерусский *робя*, *робята*, *робь* - «раб», старославянский *рабъ*, болгарский *роб* - «раб», сербохорватский *роб*, чешский *rob* - «раб». Родственно латинскому *orbis* - «осиротевший», армянскому *jrboj* - «сирота», готскому *arbi* - «наследство», *arbja* - «наследник», древнеиндийскому *arbhas* - «маленький мальчик» [Фасмер 2004].

Из этимологии немецкого слова «*kindisch*» сходство наблюдается в значении «рожденный на свет» с современным значением «маленький мальчик или девочка в раннем возрасте» русской лексемы «ребенок».

Рассмотрим эквивалентную пару «*trotzig sein - упрямиться*». Встречается такое пожелание в обоих сопоставляемых языках:

-*Sei nur nicht trotzig!* - Ты уж не упрямься!

Немецкая лексема «*trotzig*» означает: «своенравный, упрямый» образовано от существительного «*der Trotz*», которое означает «строптивость, дух противоречия, спорщик», является только немецким словом (сравните: средневерхненемецкий *traz*, средненемецкий *trotz*). Происхождение этого слова не ясно. В начале 17 столетия слова «*Trotz*» и «*Trutz*» дифференцировали в значении. Сегодня еще употребительно слово «*Trutz*» только в определенном сочетании как «*zu Schutz und Trutz*» и «*Schutz - und - Trutz - Bündis*». В 16 веке слово «*Trotz*» стало использоваться в качестве предлога *trotz*. Прилагательное *trotzig* означает «полный упрямством» [Duden Etymologie 1989].

Русское слово «*упрямиться*» означает «поступать по-своему, не уступать, упорствовать в чем-либо, настаивать на чем-либо» образовано от прилагательного «упрямый» (сравните: церковнославянский *прѣмъ* «прямой», чешский *upřimný* «любезный, откровенный», словацкий *uprimny* - то же, польский *uprzejmy* - «учтивый»). Первоначально слово означало «прямой, открытый» [Фасмер 2004].

Так, между немецкой лексемой «*trotzig*» и русской «упрямый» сходство отмечается в современном значении «упрямый».

Рассмотрим эквивалентную пару «*schüchtern - робеть*», сравните пожелание:

-*Sei nicht schüchtern!* - Не робей!

Немецкое слово «*schüchtern*» означает «робкий, застенчивый». Это слово встречалось уже в 16 веке в виде *schuchter(n)* - «быть пугливым, робким, застенчивым, боязливый, трусливый». Средневековый глагол «*schüchteren*» означал «спугивать, разгонять, пугливо, трусливо убежать» [Duden Etymologie 1989].

Русская лексема «*робеть*» означает «испытывать страх от неуверенности в себе», образовано от слова *роб* - «раб, невольник», сравните: древнерусский *робь*, также *роба* - «служанка, рабыня», *робя*, *робята* - «дитя». Это слово восходит к существительному *ребенок* [Фасмер 2004].

Сходство между немецким глаголом «*schüchtern*» и русским «*робеть*» наблюдается в современном значении русского глагола «испытывать страх от неуверенности в себе».

Так, при сопоставлении пожеланий добра, характеризующие «характер человека» в немецком и русском языках сходство наблюдается в том, что в обоих сопоставляемых языках употребляются лексемы, подчеркивающие отрицательные черты характера человека, а также в этимологическом сходстве выявленных эквивалентных пар: «*frech sein* - быть нахальным»; «*sein kindisch* - быть ребенком»; «*schüchtern - робеть*»; «*trotzig - упрямый*».

Список использованной литературы

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В четырех томах. – М.: Астрель: АСТ, 2004. - 4-е изд., стер.
2. Duden. Das Herkunftswörterbuch. – Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Meyers Lexikonverlag, 1989.

НОВАТОРСТВО Л. Н. ТОЛСТОГО В ПОВЕСТИ «ДЕТСТВО»

Шестакова Е. Ю.

Северодвинский филиал Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Новым словом в раскрытии темы детства в XIX веке стала повесть Л. Н. Толстого «Детство» (1852). Впервые прочитав рукопись повести, Н. А. Некрасов увидел в ней «настолько интереса», «простоты и действительности содержания», а в авторе - таланта [Некрасов 1852: 507], что немедленно решил ее напечатать. Повесть, по словам И. С. Тургенева, «произвела фурор». Сам Л. Н. Толстой так объяснил причину возникновения читательского интереса к произведению: «Когда я писал «Детство», то мне казалось, что до меня никто так не почувствовал и не изобразил всю прелесть и поэзию детства» [Булгаков 1960: 162].

Сильное впечатление на современников произвело мастерство психологического анализа Л. Н. Толстого в повести «Детство». Н. Г. Чернышевский сформулировал особенность таланта Л. Н. Толстого, заключающуюся в раскрытии «самого психического процесса, его форм, законов», «как одни чувства и мысли развиваются из других» [Чернышевский 1947: 426]. Наблюдения критика XIX столетия легло в основу более

позднего научного осмысления новаторства Л. Н. Толстого. По мнению П. П. Громова, Л. Н. Толстой «сосредотачивает внимание на тех «неуловимых», кажущихся случайными «мелочами», особенностях душевной жизни», «далее выделяет эти «мелочи» как особые «микроэлементы», затем «увеличивает», делает эти «микроэлементы» зримыми, наглядными» [Громов 1971: 41].

В чем же, на наш взгляд, состоит «радикальное преобразование» в изображении детства в толстовской повести? Повесть построена на резком и открытом противопоставлении точек зрения ребенка и взрослого человека, на полярной противоположности мироощущений, несовместимости ценностно-целевых установок. Этот принцип противопоставления реализуется Л. Н. Толстым на всех уровнях художественной структуры его повести: манера отстраненного повествования о себе самом, видящего и чувствующего мир иначе, нежели взрослый повествователь, эпизоды, построенные на столкновении детского и взрослого взгляда на события, фраза, вмещающая в себя полярные точки зрения (ребенка и взрослого), специфика пространственно-временной организации повести.

Вот один из эпизодов, обнажающих противоположность мироощущений ребенка и взрослого человека. Николенька Иртеньев пишет стихотворение в честь бабушкиных именин. Взрослый повествователь дистанцируется от мыслей и настроений мальчика, подчеркивая их странность: «Я решительно не помню, каким образом вошла мне в голову такая странная для ребенка мысль, но помню, что она мне очень понравилась» [Толстой 1992: 46]. Затем стихи оценивает Николенька: «Стихи мне казались превосходными» [Толстой 1992: 46]. И, наконец, изображается сцена зачитывания, раскрывающая пропасть между детским и взрослым мировосприятием: «Как передать мои страдания в то время, когда бабушка начала читать вслух мое стихотворение и когда, не разбирая, она останавливалась на середине стиха, чтобы с улыбкой, которая тогда мне казалась насмешливой, взглянуть на папа, когда она произносила не так, как мне хотелось» [Толстой 1992: 49]. В одно предложение Л. Н. Толстой вместила все акценты, подчеркивающие несовместимость точек зрения. Это точки зрения ребенка и взрослых, объединенных в своей оценке, что представлено согласно встречающимися взглядами бабушки и папа. Читающая бабушка не только «произносила не так, как мне хотелось», но и попросту не «разбирала» теста. «Насмешливая ее улыбка», как это увидел Николенька, неадекватна тому, что она переживала на самом деле. В результате неожиданность реакции взрослых завершает описание глубины взаимного непонимания: «Но ничего такого не случилось; напротив, когда все было прочтено, бабушка сказала: *charmant!* и поцеловала меня в лоб» [Толстой 1992: 49]. «Насмешливая» в восприятии мальчика улыбка была улыбкой умиления, но понимание этого остается за гранью детских возможностей так же, как и мир смыслов и ценностей ребенка остается непроницаемым для взрослых. В несовпадении их позиций просматривается сознательная установка Толстого-художника.

В эпизоде танца Николеньки с Сонечкой описывается стремление героя предстать перед девочкой взрослым, которое вылилось в злую насмешку над учителем: «Я распространился, даже несколько иронически, о самой особе Карла Ивановича, о том, какой он бывает смешной, когда снимает красную шапочку» [Толстой 1992: 69]. Комментирует этот эпизод взрослый повествователь: «Все это было очень хорошо; но зачем я с насмешкой отзывался о Карле Ивановиче? Неужели я потерял бы доброе мнение Сонечки, если бы я описал ей его с теми любовью и уважением, которые я к нему чувствовал?» [Толстой 1992: 69-70]. Здесь различие точек зрения (ребенка и взрослого) обнажено до предела, поскольку «доброе мнение Сонечки» - это не совсем то, к чему стремится маленький Иртеньев. В отличие от Николеньки цели и смыслы взрослого повествователя взяты из совершенно иной системы ценностных координат.

Противопоставление двух типов сознания (детского и взрослого) в толстовской повести - это концептуально новый подход к проблеме детства. Здесь в центре внимания - тема невозвратимых утрат: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминания о ней?» [Толстой 1992: 43]. Столкновение двух типов сознания (детского и взрослого) рождает ощущение жесткости границы, очерчивающей мир детства, что и выливается в особенности его пространственно-временной организации, то, что впоследствии окажется разрушенным и безвозвратно утраченным.

Взрослый повествователь тоскует по гармоничной завершенности мира детства. В центре этого мира - ребенок, осознающий себя в пространстве родного дома, семьи, где время подчиняется циклической смене семейного распорядка дня и ночи, трапез, праздников. Пространственный центр этого мира - дом, «образ окультуренного, огороженного и элитарного пространства жизни дворянской семьи» [Николаева 2004: 50]. Неотъемлемая черта этого мира - наполненность любовью и теплом, исходящими от семьи. Для Николеньки мать - самое «любимое существо», чьи глаза «выражают доброту и любовь» [Толстой 1992: 8] по отношению к сыну. Модель мира ребенка вбирает в себя и ближайший круг, «куда входили крестьяне, дворовые, соседи, благодаря чему характерным становилось осознание своей слитности с окружающим миром, и со своей средой, со всем социумом поместья в целом, и, шире, - с природным миром» [Николаева 2004: 40]. Красота мира русской природы рождает в Николеньке ощущение родства с ней, «слитности», привязанности к родному дому. Весь этот мир объединен особым, «идиллическим сознанием» [Николаева 2004: 40]. Цельность и нераздельность «идиллического сознания» сохраняется при условии отграниченности «своего» пространства от «большого» мира. Дорогу около дома Николенька описывает как «свой мир», где «каждая выбоина, каждый камешек, каждая колея давно знакомы и милы» [Толстой 1992: 7]. Далее этой границы начинается «чужое пространство»: «Необозримое блестяще-желтое поле замыкалось только с одной стороны высоким синеющим лесом, который тогда казался мне самым отдаленным, таинственным местом, за которым или кончается свет, или начинаются необитаемые страны» [Толстой 1992: 22-23]. Цельность «идилли-

ческого сознания» Иртеньева поддерживается его стремлением к стабильности (статике), поэтому он живет в границах «застывшего времени яркого летнего дня» [Николаева 2004: 97]: «День был жаркий» [Толстой 1992: 21]. В такой замкнутости, статичности, отгороженности от «большого мира» «идиллическое сознание» Иртеньева наполнено ощущением абсолютного счастья.

Идиллическое пространство и время - неотъемлемые составляющие детства, которое пройдет, станет «невозвратимой порой». Граница детства обозначена в сознании взрослого повествователя, который «все время напоминает, что описываемое уже прошло» [Громов 1971: 128]. Это в его сознании осталось особое ощущение прошлого как «золотого века», безвозвратно ушедшего и не имеющего прямых причинно-следственных связей с настоящим. Основной литературный прием толстовской повести - столкновение двух типов сознания - делает границу между детством и последующими периодами жизни непреодолимой, придает детству характер законченного смыслового жизненного отрезка. Детство представлено Л. Н. Толстым как жизнь, определенная иными целями и смыслами. Оно не перетекает плавно в следующую жизненную фазу, а разрушается и исчезает навсегда. Отрочество и юность не вырастают из детства в результате естественного перехода, а приходят вслед за его разрушением как продукт распада этого мира, его катастрофы.

Таким образом, открытием повести Л. Н. Толстого стал прием, заключающийся в столкновении двух типов сознания (детского и взрослого), который обнажает их несовместимость. В толстовской повести оформилась концепция «счастливого детства». Особенность этой концепции - трактовка мира ребенка как значимого вне связей с будущей взрослой жизнью, героя гармоничного, свободного от потрясений. С этой установкой связана пространственно-временная организация толстовской повести, характеризующаяся замкнутостью, отграниченностью от «большого мира» и «большого времени», исключая линейные движения, целеполагание которых уводит вне этого замкнутого мира. Идиллическое пространство и время определяет его состояние. В таких концептуальных установках детство является состоянием мира, обреченного на разрушение. Вторгающаяся в него дисгармония вследствие разрушения детского взгляда на мир в завершающей части - обязательный структурно-композиционный элемент концепции «счастливого детства». В этой концепции отрочество и юность приходят вслед за разрушением детства как продукт распада этого мира, его катастрофы. Осмысление детства как воплощенного на земле «золотого века», возможность гармоничного существования человека с самим собой и с окружающим миром формирует в повести Л.Н. Толстого особое отношение взрослого автора к детству. Автор постоянно устремлен в прошлое, в детство, которое не знало конфликтов и противоречий. Он жаждет вернуться в «золотое время» детства потому, что настоящее дисгармонично, а в прошлом было возможно ощущение абсолютного счастья.

Список использованной литературы

1. Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. - М., 1960.
2. Громов П. П. О стиле Льва Толстого. Становление «диалектики души». - Л., 1971.
3. Из письма Н. А. Некрасова Л. Н. Толстому. Август 1852 г. // Л. Н. Толстой в русской критике: Сб. статей. - М., 1960.
4. Николаева Н. Г. «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова: формы письма и традиции жанра: Дис. ... канд. филолог. н. - Новосибирск, 2004.
5. Толстой Л. Н. Полное собр. соч.: В 90 т. - М., 1992. - Т. 1.
6. Чернышевский Н. Г. Полное собр. соч.: В 15 т. - М., 1947. - Т. 3.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СВЯЗНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПОБУДИТЕЛЬНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ С ПРОСЬБОЙ

*Шульженко Г. А.
Академия ФСБ РФ*

Одним из основных факторов, определяющих успешность формирования у учащихся умений и навыков общения при обучении иноязычной речи, является отбор соответствующего учебного текстового материала. В последнее время в методике преподавания иностранных языков все более популярной становится точка зрения, согласно которой учебные тексты могут и должны моделироваться. При этом тексты различных функциональных стилей должны содержать стилеобразующие элементы разных языковых уровней, в том числе отражать коммуникативные схемы, лежащие в основе соответствующих речевых произведений.

Данная идея представляется удачной и наиболее легко практически осуществимой при создании учебных материалов, предназначенных для формирования умений и навыков диалогической речи в обиходно-бытовой сфере общения. В основу создания таких материалов должны быть положены коммуникативные схемы диалогических единств, функционирующих в этой сфере. Причем, учет прагматических параметров данных схем представляется чрезвычайно важным, так как позволяет максимально приблизить моделируемые тексты к диалогу естественной коммуникации. Данная проблема ставит задачу лингвистического исследования структуры и прагматики диалога.

Проблемам исследования диалогической речи в советской и зарубежной лингвистике посвящено немало работ. Не останавливаясь подробно на различных подходах к изучению диалога, отметим лишь функционально ориентированную теорию, предполагающую анализ закономерностей диалогического общения с учетом реализации интенций коммуникантов, лежащих в основе речевого взаимодействия. Диалогический